

Радуга 6 октября 2022

Дорогие друзья,

Я очень благодарен вам за то, что вы приняли наше приглашение встретиться и вместе наградить финалистов XIII премии «Радуга», учрежденной для молодых русских и итальянских писателей и переводчиков, отличающихся свободным и творческим письмом, человеческим и социальным чутьем. Я особенно благодарен вам за то, что вы находитесь здесь с нами в исторический момент очень серьезной глобальной геополитической чрезвычайной ситуации, усугубляемой беспрецедентным международным экономическим, социальным, экологическим, медицинским и культурным кризисом, и это обострило социальное неравенство. Согласно Докладу о мировом неравенстве за 2022 год, в прошлом году 10% населения мира получали 52% общего дохода, и 76% всего богатства.

Мы здесь вместе, потому что верим, что культура должна объединять людей и народы. Культура, мысль и искусство не могут изощренно делить мир на западный и восточный. Мы не можем согласиться с тем, что истина и свобода ни на одно мгновение подчинялись бы ярму геополитических конфликтов.

Я очень благодарен хозяину, Михаилу Кузнировичу, за то, что он принял нас в этом престижном и великолепном зале, еще раз продемонстрировав не только свою щедрость, но, прежде всего, глубокую и искреннюю дружбу, которую он культивировал на протяжении многих лет с нашей страной, которая исторически является первым импортером в сфере моды и одежды. Я до сих пор с удовольствием вспоминаю, как более 30 лет назад мы познакомились благодаря нашему общему и братскому другу, незабвенному пионеру в Советском Союзе Элио Скиатти, с которым у Михаила сложились крепкие сыновние отношения.

Также выражаю сердечную благодарность за участие Сергею Разову, послу Российской Федерации в Италии, который всегда поддерживал наши инициативы; и, за их фундаментальный вклад, членам двух наших жюри, координи-

руемых с российской стороны Анной Ямпольской и с итальянской стороны Марией Пией Пагани, которые оценивали истории 350 молодых людей, участвовавших в XIII премии «Радуга».

Наконец, моя искренняя благодарность нашему партнеру, Горьковскому литературному институту, и нашему спонсору, Газпромбанку, которые верили в нашу инициативу на протяжении многих лет.

Я часто размышляю о специфике нашей премии по сравнению с тысячами литературных премий, большинство из которых платные, которые до сих пор организуются в России и Италии. Ну, а особенность премии «Радуга» состоит в том, что она доступна бесплатно для всех юных рассказчиков и переводчиков, независима от издателей или других групп давления и вознаграждает работы победителей только за их внутреннюю ценность (также издавая их *ad hoc*), благодаря большой объективности и высокому профессионализму членов двух жюри. На самом деле рассказы, отмеченные наградами в различных изданиях, в том числе и в этом году, демонстрируют богатое творчество (*древнегреческого поэзисного*) письма и глубокую человеческую и социальную чувствительность. Таким образом, наша премия является единственной италороссийской премией, поддерживающей диалог между культурами, литературами, учеными, литературоведами двух стран, особенно в условиях этого болезненного исторического кризиса.

Диалог, начавшийся несколько столетий назад, не должен прерываться ни по какой причине.

У нас есть интеллектуальная, человеческая и моральная обязанность поддерживать культурный **диалог** между Италией и Россией, который исторически сложился между Россией и Италией.

Это обязанность, вытекающая из того, что мы люди, вовлеченные в общество и культуру.

Аристотель в своей «*Политике*» выделяет в слове *logos*, понимаемом как *ratio* и *oratio* («разум» и «дискурс»), и в городе, *pòlis*, две отличительные характеристики человека: **«логическое»** и **«политическими» животное**, потому что «те, кто живет обособленно, либо зверь, либо бог».

Слово (*logos*), теоретизировал софист Горгий, есть «могущественный правитель», которому все возможно, и, добавлял он, вся жизнь есть «борьба слов», в знак двойственности и двусмысленности, потому что слово это *phármakon*, «лекарство» и «яд». Спаситель и губитель, благословенный и проклятый, символический и дьявольский, он связывает и изолирует, утешает и беспокоит, спасает и убивает, строит и разрушает города, останавливает и развязывает войны, освобождает и осуждает виновных и невиновных. Но если вернуться к своему подлинному значению, слово ориентирует нас на истину и ведет нас к самому источнику мысли, становясь необходимым инструментом диалога.

Классицизм теоретизировал настоящее искусство речи, риторику, перед которой стояла тройная задача:

- очаровывать (*delectāre*)
- учить (*docāre*)
- мобилизовать сознание (*movēre*)

Сегодня, к сожалению, слово не в добром здравии, так как мы плохо говорим. Еще Платон сказал об этом в «*Федоне*»: «Плохая речь, кроме того, что она безобразна сама по себе, еще и ранит душу».

Мы плохо говорим: одним и тем же словом подразумеваем разные вещи, разными словами подразумеваем одно и то же. Мы изуродовали некоторые слова, которые считали уникальными, не разделенными и неделимыми: мы свели «политику» к «налоговой амнистии», мы заменили «иностранца» на «врага», «беженца» на «нелегала». Наши уже не слова, а вокабулы, *verba obvia*, «те, что находим на улице», которыми все пользуются и топчут, безымянные, неодушевленные, трупные слова: «учитель» истек к «инфлюэнсеру», «ученик» к «фоловеру», «государственный деятель» к «лидеру», «лицо» к «физиономии». А потом ключевое слово: народ, являющийся основой общего

блага, «consensus iuris», признание закона и всеобщей пользы, ну, этот народ сегодня стал воплощением возвышения только прав, и воплощением низменного индивидуального импульса.

К сожалению, слово часто унижают, чтобы оно стало пропагандой, заведомо ложным представлением действительности, типичным инструментом современной информационной войны.

Нам нужна лингвистическая экология, которая позволяет слову освещать вещь, а не затемнять, скрывать и изолировать реальность; это позволяет нам понимать себя и читать мир с интеллектуальной честностью, глазами, не перегруженными суждениями и не затуманенными предрассудками; чтобы научить нас, как Адама, искусству именованья.

Нужны адекватные слова, чтобы назвать это неожиданное, беспрецедентное, чуждое настоящее, характеризующееся различными диспропорциями: геополитическими, экономическими, социальными, экологическими и медицинскими. Как заявлял Лукреций, перед лицом ранее не существующих, небывалых и революционных явлений (*res novae*) нужны новые слова (*verba nova*).

В «Никомаховой этике» и в «Политике» Аристотель определяет человека как «политическое животное», имея в виду, что человек реализует себя только в рамках организованного сообщества, такого как город-государство классической Греции, отмеченное абсолютным равенством всех граждан, свободных перед лицом права (*изономия*) и их полное участие в политической жизни.

Однако сегодня мы наблюдаем под пагубным влиянием неолиберализма, постмодернизма и постдемократии эпоху, отмеченную очень сильными индивидуалистическими побуждениями во всех областях.

Поэтому мы обязаны терпеливо и решительно продвигать радикальные идеалы и культурное обновление. Мы должны подтвердить обоснованность науки и ее метода и не должны верить в сказку о конце истории. Наоборот, мы обязаны возвышать способность человека познавать объективную, природную и социальную реальность и историю; и противостоять идеологии те-

кучего общества, в котором люди встречаются и сталкиваются волнами в вероятностной вселенной без солнца уверенности. Действительно, «неопределенность – единственная уверенность». Мне вспоминается стихотворение Унгаретти, сочиненное в 1918 году: «Как осенью на деревьях листья».

Мы не должны воспринимать время как вечное настоящее без корней в прошлом и без видения будущего.

Мы не должны смиряться с тем, чтобы быть личностями, субъектами без души, сведенными к товарам и потребителям товаров.

Этот этический долг, присущий всем мыслящим людям, сильнее всего ощущается аутентичным писателем, особенно в момент острого геополитического кризиса, усугубляемого новыми угрозами пандемии и беспрецедентным экономическим и социальным спадом.

Этот писатель чувствует себя непохожим на других, но он сразу же понимает, что он может питать свое письмо и это чувство разнообразия, только признавая свое сходство со всеми.

Этот писатель формируется в этих вечных отношениях между собой и другими, на полпути между творчеством своего письма, без которого он не может обойтись, и сообществом, от которого он не может оторваться.

Этот писатель ничего не презирает и стремится скорее понять, чем судить.

Этот писатель решил открыть мир и, в частности, человека другим людям, чтобы они взяли на себя всю свою ответственность перед выставленным таким образом объектом.

Этот писатель не ставит себя на службу тем, кто произвольно пишет историю, потому что он служит тем, кто ей подвергается.

Этот писатель свободен и счастлив. Фукидид пишет: «Секрет счастья — в свободе, а секрет свободы — в смелости».

В связи с этим мне хочется упомянуть стихотворение Анны Ахматовой «Мужество» февраля 1942 года:

«Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки».

Я думаю именно о подлинном и свободном писателе, взяв на себя обязательство продолжать поддерживать премию «Радуга» в ближайшие годы.

Спасибо за внимание.